

*Посвящаю моему мужу Дрю,
сказавшему, что первое посвящение
ему не считается,
потому что на обложке той книги
не настоящее мое имя.
Надеюсь, теперь считается, любимый.*

Настоящее время

— Я потратила тысячи часов, работая над внешностью этих женщин. Я наводила на них красоту, проводила им эпиляцию воском, стригла их, красила им волосы и ногти, делала им макияж, наносила на них загар, пудрила и массировала их. Я знаю чуть ли не каждый дюйм их тел. Но мне также знакомы и их демоны, их самые заветные и самые страшные тайны. То, что мы скрываем в самой глубине, чтобы не показывать миру темные стороны наших натур. Так можно ли сказать, что я удивлена тем, что произошло? Нет, нисколько. Я этого ожидала. Это был просто вопрос времени.

Я меняю позу, положив ногу на ногу под столом.

Напротив меня сидит детектив Фрэнк Сэнфорд, мужчина средних лет с суровым взглядом, резкими чертами лица и широкими плечами. Это классический детектив-работяга. Несмотря на то что он одет в костюм и галстук, вид у него совсем не лощенный и не утонченный. Его красные глаза говорят, что он работает слишком много и спит слишком мало. У нас с ним куда больше общего, чем ему когда-либо может прийти в голову.

— Откуда вам известны их самые заветные и страшные тайны, Дженни? Я имею в виду, вы что, являетесь также и их психотерапевтом? А я-то думал, что вы парикмахер-стилист, — замечает детектив Сэнфорд, выдвинув вперед точеный подбородок, покрытый щетиной.

Его взгляд каменеет, он пристально смотрит на меня и, перестав делать заметки, ждет моего ответа. Мы сидим друг напротив друга в ярко освещенной комнате для допросов. Воздух здесь спертый и холодный, и я не могу определить, то ли комната подстраивается под ауру детектива, то ли наоборот.

— В каком-то смысле я и то, и другое. Я не знаю, сколько времени вы, детектив Сэнфорд, провели в салонах красоты, но, находясь там, женщины болтают. — Я складываю руки на груди, глядя ему в глаза. — Особенно когда они сидят в креслах и у них есть уйма времени.

Я знаю, что этот малый никогда не бывал в салоне красоты, и дело тут не только в его неухоженном виде. По правде говоря, о моих клиентках я знаю больше, чем о членах моей собственной семьи, и особенно это относится к *этой* группе женщин. Я вижу каждую из них несколько раз в неделю. У них денег куры не клюют — по крайней мере, денег полно у их мужей, — и они могут позволить себе щедро тратить средства на ведение самой важной в их жизни войны — войны с воздействием времени на тело.

— Понятно. Вы являетесь владелицей салона красоты «Сияние», верно? — Он тихо стучит своей ручкой по столу.

— Да, я его единственная хозяйка, — киваю я.

Он опять начинает писать, делая заметки и стараясь ничего не пропустить.

— А как долго вы являетесь его владелицей?

Несколько секунд мои глаза блуждают, пока я вспоминаю, когда приобрела его.

— Около пяти лет.

— И все это время эти женщины были вашими клиентками? — Он морщит лоб.

— Нет, они стали моими клиентками только около трех лет назад. Салон «Сияние» не всегда был таким заведением, каким он является сегодня.

Он продолжает записывать и обводит что-то кружком. И я вижу слова в этом кружке: *Прошлое «Сияния»?*

— Понятно. Значит, вы знаете этих женщин три года и вас не удивляет, что это произошло? — Он вскидывает свои густые темные брови.

— Нет, не удивляет. Не дайте им ввести вас в заблуждение, детектив. Да, взятые по отдельности, они искренни и могут быть добрыми... Но собранные в одном месте, эти женщины совершенно токсичны.

2

ДЖЕННИ

За три недели до убийства

Оливия опустила свою упругую тощую задницу в мое кресло и уронила свою большую сумку от «Эрме» на пол. Ее длинные роскошные волосы цвета красного дерева коснулись моего лица, когда она, беспечно тряхнув ими, перекинула их через плечо. Благодаря мне в них имелось идеальное сочетание затемненных и ярких прядей. Она

была одета в откровенный красный брючный костюм; Оливия всегда имела в своем облике тот или иной оттенок красного цвета: это мог быть весь ее наряд целиком, яркая губная помада или какой-нибудь броский аксессуар. Этот цвет был ей более всего к лицу, он создавал у нее чувство уверенности, и она ни за что не появилась бы на людях в какой-либо другой обуви, кроме лубутенов на красной подошве.

Я накинула на Оливию чистый парикмахерский пеньюар, и она уставилась на себя в зеркало с выражением ничем не замутненного восхищения. Она то и дело поворачивала голову из стороны в сторону, вглядываясь в свои безупречно вылепленный нос, перекачанные ботоксом полные губы и высокие скулы. Если бы кукла Барби с каштановыми волосами была увеличена до размеров живой женщины, она бы выглядела в точности как Оливия. Я видела, что она довольна своей наружностью, это было видно по ее легкой ухмылке, обнажившей виниры¹, такие сияющие, что они могли бы тягаться со стоваттной лампочкой. Я много лет была ее стилистом по прическам, визажистом, маникюршей, специалистом по эпиляции и нанесению моментального загара, мастером по наращиванию ресниц, а со временем стала чем-то куда большим. Я замечала, что ее губы становятся все полнее, ее скулы все выше, а кожа глаже. Подобно положению тектонических плит, ее лицо постоянно менялось.

— Что мы будем делать сегодня? — спросила я, осторожно проведя расческой по ее мягким волосам и глядя на ее отражение в зеркале.

¹ Виниры — декоративные накладки на зубы.

Я уже знала, чего она хочет, но правило работы с клиентами гласит, что ты всегда должна дать клиентке самой сказать тебе, чего она хочет. Так что я подождала, чтобы она выразила мне свои пожелания. Она подняла палец в призыве подождать, одновременно быстро набирая что-то на своем телефоне.

Оливия и я во всех отношениях противоположны друг другу. Ее волосы темные и длинные, а мои пшеничные, волнистые и доходят мне только до плеч. Ее черты резкие, а мои мягкие, округлые. Ее глаза имеют цвет молочного шоколада, а мои — холодный голубой. Ее лицо свободно от любых крапинок, а мое усыпано родинками и веснушками. Она положила свой телефон на колени, бросила на меня короткий взгляд и затем снова перевела его на самую важную вещь в жизни Оливии — на саму Оливию.

— Окрасить корни и подровнять, и мне нужна эпиляция. Сегодня Дин возвращается домой.

Ее глаза блестят, в голосе слышится радость, как у школьницы, рассказывающей о своей первой влюбленности. Дин и Оливия Петрофф были женаты больше десяти лет, и меня удивляло, что между ними по-прежнему пылало пламя страсти. Впрочем, в токсичных отношениях всегда бывают резкие взлеты и падения.

— Что ж, тогда мы должны сделать так, чтобы ты для него стала совершенно идеальной.

— Я и так подхожу ему идеально, — колко сказала Оливия.

Я улыбнулась и кивнула. За годы работы я поняла, что это наилучший способ иметь дело с трудными клиентами, а Оливия была из них *самой* трудной.

— Но ты всегда делаешь меня еще лучше, чем идеал, — добавила она.

У Оливии имелся настоящий талант хвалить себя, прежде чем она делала комплименты другим. А также умение произносить оскорбления, придавая им форму любезностей. Она словно создала свой собственный жестокий язык. Можно было даже не понять, что она оскорбляет тебя, поскольку это оскорбление было обернуто в подарочную бумагу и снабжено красивым бантом.

Самой лучшей частью моей работы всегда было то, что благодаря ей у женщин повышалась самооценка. Я люблю смотреть, как после того, как я сделала свое дело, их лица озарялись. Я называю это «сиянием красоты», отсюда и название моего салона. Оливия была одной из тех редких клиентов, которым всегда присуще такое сияние, так что работать над ее внешностью было не так интересно, но она оставляла хорошие чаевые, и именно благодаря плате за сеансы ухода за ее внешностью я смогла погасить ипотеку на свою квартиру, находящуюся над салоном.

— А что вы с Дином планируете делать сегодня вечером? — спросила я.

Оливия оторвала глаза от своего телефона.

— Да так, то да се.

Она всегда считала, что умеет выражаться загадочными полунамекками, но сообщения на ее телефоне ясно говорили, чем она собирается заниматься сегодня вечером. Я кивнула и продолжила смешивать краску для волос.

— Я в восторге от твоих веснушек, Дженни, но ты никогда не думала о том, чтобы замазать их тональным кремом?

«Очередное оскорбление, замаскированное под любезность», — подумала я.

— Раньше я так и делала, но веснушки вошли в моду, — ответила я с улыбкой. — Женщины теперь даже рисуют их на своих лицах.

Она пожала плечами, снова перевела взгляд на свой телефон и принялась скроллить свои тщательно отредактированные фотографии в соцсети.

— Как скажешь.

Хотя я была рада тому, на какую высоту теперь поднялся мой бизнес, иногда мне начинало казаться, что раньше все было проще. Раньше я никогда не имела дел с клиентками, у которых были высокие запросы. Я открыла свой салон пять лет назад. Всегда мечтала иметь свой собственный салон красоты с полным набором услуг, но поначалу он был совсем не таким гламурным, как я надеялась. Я начинала в помещении с облупившейся краской на стенах, разнокалиберной выдавшей виды мебелью и старым оборудованием, и моя клиентура состояла из старух, которые случайно забредали ко мне с улицы. Так я и продолжала едва сводить концы с концами, пока в один прекрасный день около трех лет назад в мой салон не явилась Оливия, которой надо было срочно спасти свои волосы. Ее постоянный стилист по прическам перебрался в Нью-Йорк, и она обратилась в другой салон красоты, в котором ее волосы окрасили крайне неудачно. Так что я стала для нее спасением. Она рассказала обо мне своим подругам, принадлежащим к сливкам общества, и в результате мое «Сияние» превратилось из дешевого заведения, едва-едва держащегося на плаву, в салон красоты с полным набором услуг для женщин из высших слоев общества Бакхеда. Я добавила два горизонтальных солярия, аппарат для нанесения моментального загара, уголок для маникюра и педикюра, каби-

нет эпиляции, примерную, зону отдыха и барную стойку с вином и шампанским. В общем, обеспечила их всем, чего они хотели. Теперь женщинам надо записываться заранее, чтобы просто попасть в список кандидаток в мои клиентки, и я готова обслуживать только двадцать пять постоянных клиенток. Под постоянными клиентками я разумею тех, которые согласны посещать мой салон не менее восьми раз в месяц. Если они не выдерживают этот стандарт, я вычеркиваю их из списка или как минимум перевожу в список ожидания. Мой салон очень эксклюзивный и очень дорогой.

— Ты не собираешься добавить к своим услугам сеансы по уходу за лицом?

Оливия потянула кожу на своем лице. Но та не сдвинулась с места. Ее лицо никогда не двигалось благодаря частым инъекциям ботокса.

— Я об этом не думала, — ответила я.

— Именно для этого тебе и нужна я, человек, который умеет мыслить масштабно. Тебе надо нанять косметолога. Скоро некоторым твоим клиенткам могут понадобиться антивозрастные сеансы. Как Шеннон.

Оливия попыталась поднять бровь, но добилась лишь эффекта легкого косоглазия.

Я чуть заметно улыбнулась ей и опять сосредоточила внимание на ее волосах. Оливия считала, что она является единоличной владелицей «Сияния». К сожалению, именно она была моим бизнес-ангелом¹, но я надеялась, что в течение трех лет я смогу выкупить ее долю. Она слишком уж требовательна. Я была признательна ей за то, что она

¹ Бизнес-ангел — тот, кто вкладывается в чужое дело, не имея четких гарантий его прибыльности.

спасла мой салон, но в некотором роде она использовала его, чтобы повысить свой социальный статус. «Сияние» сделалось для моих клиенток постоянным местом их сборищ, их вторым домом за пределами их особняков. Оливия и ее приятельницы стали смотреть на него как на свою собственную гостиную, в которой они устраивали собрания книжного клуба, пьяные вечеринки, тусовки для обмена сплетнями и заседания своего комитета.

Телефон Оливии завибрировал, она снова взяла его и принялась быстро печатать. Я прочла несколько ее текстовых сообщений, пока наносила краску на корни ее волос. Когда мои клиентки не разговаривали со мной, они звонили по телефону или отправляли сообщения, поскольку постоянно опасались пропустить очередную горячую сплетню. Так что было нелегко не обращать на все это внимания, не складывать одно с другим и не смекать, что к чему.

— А где был Дин? — спросила я.

Второе место по приятности в моей работе занимали разговоры с моими клиентками. Они выкладывали мне все — иногда не специально, но, так или иначе, у них не получалось что-то от меня утаить. Они рассказывали мне о своих надеждах, мечтах, неудачах, опасениях, проблемах, комплексах... Обо всем. И я получала истинное удовольствие, узнавая их ближе. Мне нравилось чувствовать себя частью их жизни, даже если это было не так. Благодаря этому моя работа становилась менее похожей на работу, и мне казалось, что я просто тусуюсь, притом каждый день. Я хорошо умею задавать вопросы, и у меня отлично получается слушать. К тому же я терпеть не могу, когда чье-либо внимание сосредоточивалось на мне самой, так что это хорошее сочетание, поскольку больше всего мои клиентки любили говорить о самих себе.